

Что я делаю?

Я не герой. Я даже не годился на роль полицейского, врача, работника скорой помощи или на любую другую работу, требующую зрения.

И меня никогда не обучали. Я понятия не имел, что делать.

Поэтому пока я продирался сквозь снег со всё ещё дрожащими от прошедшей лавины коленями, меня охватила паника. Часть меня даже не до конца верила в то, что произошло. В конце концов, на небольшом участке земли, который я мог ощущать, ничего не изменилось. Но Дюрен сказала мне, что вокруг её домика всё просто... исчезло.

«Пока не увижу - не поверю». — Иронично, но в моём случае мне нужно было почувствовать это или хотя бы услышать, чтобы поверить. Я подошёл к краю того места, где земля просто исчезала в моём сознании, и протянул руки.

Ничего. Ну, не похоже, чтобы передо мной была стена льда. Но вдруг я заметил, что замёрзшая тропинка исчезла. Вместо этого под ногами захрустел снег. И, когда я осторожно шагнул вперёд, нащупывая путь, я начал спотыкаться, натываясь на огромные куски твёрдого снега и... грязь? Я наткнулся на что-то твёрдое и ощупал его.

Ствол дерева. Он лежал на боку на земле.

— О нет.

Это всё взаправду. Я провёл рукой к основанию ствола... хотя, как оказалось, это была верхушка. Я нащупал ветки и листья. Лавина вырвала это дерево и бросила его, словно ветку. И если она смогла так поступить с деревом, то какие шансы были у дома?

Деревня. Мои мысли вернулись к ней. Что мне делать? Что я мог сделать? Я должен помочь - это правильный выбор. Но как лучше поступить? Я не...

— Лейкен! — голос выкрикнул моё имя, и я услышал гулкие шаги. Дюрен бросилась за мной, и в её голосе явственно был слышен испуг.

— Это небезопасно!

Грубые руки утащили меня назад. Дюрен была напугана, но в этот момент она больше всего на свете заботилась о моей безопасности. Я позволил ей втянуть меня обратно в радиус коттеджа. Там, по крайней мере, я мог определить, что вокруг меня. Но вместо того, чтобы успокоиться, вернув восприятие этой маленькой территории, я почувствовал себя так, словно держал свечу в тёмном мире. Я не очень хорошо понимал темноту, но я боялся места, где мои [Императорские] чувства исчезали, оставляя меня полагаться на оставшиеся.

Деревня. Моё сердце всё ещё колотилось в груди. Мир был слишком тихим. Я слышал гром в своих венах, но в воздухе царил лишь тишина. По сравнению с яростью шума, которая была несколько секунд назад, это...

Я услышал крики. Моя голова дёрнулась, но это была всего лишь Хладокрыл. Она до смерти напугана, и я не мог её винить. Но её тревога не имела значения... деревня...

Я не мог думать. У меня началась гипервентиляция - я задыхался. Дюрен задрожала, когда остановилась.

— Лейкен. Что нам?.. Всё пропало.

Мы оба пребывали в шоке. Я это знал. Но мои мысли постоянно возвращались к деревне. Риверфарм. Они пострадали. Я обязан что-то сделать.

И вот так паралич, охвативший меня, закончился. Не то чтобы окаменение отступило полностью, но даже в таком состоянии я начал двигаться. Я должен был действовать. Либо действовать, либо стоять столбом, а времени не было.

— Дюрен, мы должны идти в деревню. Феи не защитили Риверфарм. Кто знает, что с ними случилось.

— Что? Лейкен...

Дюрен прервалась. У неё даже не было законченной мысли. Она не думала, просто реагировала. Но наконец – и это казалось вечностью, хотя прошла всего минута или меньше – мой мозг снова начал работать.

Деревня. Помочь им. Мы должны пойти и проверить. Мы не можем оставаться здесь.

Я чувствовал холод, словно моя кожа и всё под ней замёрзло. Холод, вызванный страхом, заставлял меня трястись, но этот же ужас заставлял шевелиться. Я не замер в раздумьях, я только знал, что должен двигаться.

— Мы должны идти! Дюрен!

Я на неё рывкнул. Дюрен дёрнулась, а после заколебалась.

— Это слишком опасно для тебя! Я пойду. Я помогу. Ты останешься здесь и...

— Нет.

— Лейкен...

— Ты - [Паладин].

Я чувствовал себя идиотом, говоря это, но я схватился за руку Дюрен и попытался повернуться к её лицу. Моя нежная гигант дрожала от страха, но её присутствие здесь успокоило меня настолько, что мой голос оставался ровным.

— Дюрен. Ты паладин. Защитник слабых и невинных. И ты также мой страж, мой чемпион. Ты должна идти, и я тоже должен. Мы должны помочь всем, кому сможем.

Она помедлила, а потом я почувствовал, как к её руке вернулось немного сил. Она сделала вдох.

— Хорошо. Пойдём. Я расчищу дорогу. Её... больше нет. Давай за мной.

Она повернулась, и я помедлил. Деревня. Что мы будем там делать?

Думай... прошла лавина. Погребённые люди. Зона бедствия. Красный Крест. Врачи без границ. Что они?..

— Нет... подожди.

Дюрен остановилась в недоумении. Я повернулся и указал в сторону домика.

— Корзина. Нам нужна вся еда, которую мы сможем туда положить, полотенца... чистая ткань... эм...

Я не мог придумать ничего другого. Бинты, еда, что ещё? Лавина...

— Лопата.

Я побежал обратно к домику, а Дюрен бросилась в свой сарай за лопатой. Я открыл дверь и услышал, как Хладокрыл закричала на меня. Она вывалилась из гнезда, но, к счастью, с ней всё было в порядке. Я подхватил её и положил вместе с гнездом на пол. Я заговорил с ней, пока метался по коттеджу, используя чёткий образ домика в своей голове, чтобы собрать всё, что нам могло понадобиться.

— Всё хорошо. Всё хорошо... тише! Мы вернёмся, хорошо?

К моему удивлению, орлёнок замолчала, но у меня было на это времени... ещё шесть секунд спустя я пинком открыл дверь. Дюрен схватила еду и тряпки, высыпавшиеся из моих рук, и запихнула их в огромную корзину, которую она использовала для сбора урожая.

— Хорошо. Пойдём!

Я повёл нас обоих прочь от домика. Вокруг него передвигаться было так легко. Я редко когда бегал... из-за слепоты я привык наткаться на вещи, и я знал, что могу серьёзно пораниться, столкнувшись с чем-то острым на большой скорости. Но в этом месте я чувствовал себя уверенно и заставлял свои непривычные к такому ноги двигаться быстрее. Дюрен шла прямо за мной, неся корзину.

Два шага за пределы круга - и я запнулся. Мир вокруг меня исчез, мои ощущения вернулись в ничто. Раньше меня бы это не беспокоило. Но теперь - это всё равно, что оглохнуть или потерять обоняние. Или ослепнуть, я полагаю. Новое чувство, которое у меня было, пропало, и я вдруг осознал, как же неудобно без него жить.

Я споткнулся, и меня поймала рука.

— Сюда. Иди за мной.

Я схватился за низ рубахи Дюрен и начал идти за ней. Это легко... я делал это уже бесчисленное количество раз. Но на этот раз пейзаж был совершенно незнакомым.

— Так много снега...

Я чувствовал напряжение сквозь рубаху Дюрен, пока она ворчала, прокладывая путь. Снег вокруг моих лодыжек поднялся и сдвинулся, и, следуя за ней, я осознал, что местами снег быстро становился глубиной по пояс.

Но времени остановиться и подумать - не было. Я пытался идти прямо по следам Дюрен, но даже так её шаги уже засыпало снегом, и я не мог различить, что передо мной.

Снег был таким глубоким! Дюрен пробивала себе сквозь него путь, но я так не мог. Когда я споткнулся во второй раз, что-то схватило меня за ноги и спину, отрывая от земли. Я удивлённо дёрнулся, но Дюрен с лёгкостью взяла меня на руки.

— Я понесу тебя, Лейкен. Так будет быстрее.

Мой рот открылся, чтобы возразить. Я не ребёнок. Но вместо этого я закрыл рот. Она права.

Даже если бы у меня было зрение, так, наверное, было бы быстрее.

— Я буду держать корзину. Дай её мне.

Я прижал корзину к животу, пока Дюрен несла меня на руках. Это не было очень удобно, особенно учитывая то, что Дюрен бежала и я подпрыгивал, как тряпичная кукла. Но она двигалась гораздо быстрее, чем я, поэтому я держался за неё изо всех сил, чувствуя, как моё лицо обдувал холодный воздух.

Меня осыпало ледяной крошкой. Дюрен пробивалась сквозь снег, словно его там не было. Я слышал, как она тяжело дышала, но она не прекращала бежать.

Риверфарм находился примерно в десяти минутах ходьбы от домика Дюрен. Мы добрались туда за четыре. Моим первым инстинктом, когда Дюрен опустила меня на землю, было найти раненых. Но моего слабого воображения не хватало, чтобы предсказать реальность того, что нас ожидало.

В течение нескольких секунд после того, как Дюрен опустила меня на неровную землю, она даже не могла говорить. Когда она в конце концов обрела дар речи, то окружение всё ещё было для неё слишком. Она описывала мне, что видела, задыхаясь от ужаса.

Риверфарма больше не было. Лавина пронеслась по крошечному посёлку в одном ужасном порыве. Снегом засыпало целые дома, а в других сломало стены. Снега так было много, что мы стояли на несколько футов выше того места, где должна быть земля.

— Отсюда видна крыша дома мистера Проста. Это... ох, Лейкен! Всё пропало!

— А что с людьми, Дюрен? Они живы?

Я схватил Дюрену за руку, пытаясь удержать её внимание. Тон моего голоса надавил, и она словно начала выходить из транса.

— Немного. Я вижу некоторых, но...

Некоторые из них просто неподвижно стояли вокруг. Другие бесцельно бродили, и я слышал, как они звали. Несколько пытались копать, но снег не был рыхлым. Он был спрессованным, и погреб под собой всё. Откуда им вообще знать, где их семьи и друзья?

Да и вообще никто здесь не был последовательным. Все здесь, включая Дюрен, и, в меньшей степени, - меня испытывали одно и то же.

Шок. Но я знал... я должен бороться с этим. Я лишён зрения, но я не был захвачен в водоворот смерти. Моя голова сейчас была самой ясной.

— Мы должны начать откапывать людей. Дюрен, где ближайший дом?

И снова Дюрен начала говорить так, словно я пробудил её ото сна.

— Ближайший? Вон там... дом мистера Баллуса и мисс Вен...

— Пойдём к ним.

Я подтолкнул её, и Дюрен двинулась вперёд. Я последовал за ней, пока она не остановилась.

— Как всё выглядит? Ты видишь кого-нибудь из семьи поблизости?

— Нет... я... я не знаю. Они могут быть вон там. Это похоже на... тут всё засыпало, Лейкен. Всё.

— Как сильно засыпано? Спереди? Сзади? Мы можем откопать дверь... может, они всё ещё внутри?

— Я не знаю. Тут всё засыпано.

Я сжал зубы от разочарования. Я не мог видеть, а Дюрен не сильно помогала. Я хотел накричать на неё, но в следующее мгновение почувствовал, что она зашевелилась.

— Я буду копать! Отойди, Лейкен!

Я взял корзину, отошел назад и тут же почувствовал, как в воздух полетел снег, сопровождаемый ворчанием Дюрен. Внезапно она пришла в движение, и я услышал её крик – первый громкий звук в потрясённой тишине деревни:

— Мистер Баллус! Мисс Вен! Синни! Робер! Вы здесь?!

Этот шум что-то сделал с жителями деревни, не погребёнными под снегом. Спустя несколько секунд я услышал движение, а затем к нам кто-то подбежал.

— Дюрен!? И... мистер Лейкен? Вы живы?

— Да.

Я не узнал голоса, но почувствовал, как кто-то бросился ко мне. В мою руку вцепилась грубая и мозолистая ладонь.

— Это я, Прост.

— Мистер Прост? Вы в порядке? Где ваша семья?

— Я их не вижу. Я их...

Прост дрожал ещё сильнее, чем Дюрен. У него едва получилось за меня ухватиться, но, когда ему это удалось, он вцепился в меня так, словно от этого зависела его жизнь. Я попытался его успокоить.

— Мистер Прост. Послушайте меня. Мы должны начать откапывать людей. У Дюрен есть лопата. Вы можете ей помочь? Найти других?..

Нам нужно собрать группу. Даже с силой Дюрен в деревне каждый дом утопал в снегу. Прост кивнул, а потом понял, что я не видел движения, пусть я его и почувствовал.

— Я могу это сделать. Но... Дюрен! Мой дом вон там!

— Мистер Прост?

Я почувствовал, как мужчина меня отпустил, а затем услышал голос Дюрен. Звук лопаты, скребущей снег - я остановился.

— Моя семья... они все были внутри, когда сошла лавина! Помогите мне откопать их!

— Но мистер Баллус и его семья...

О нет. Я услышал, как повысились голоса этих двоих, а затем раздался звук, словно Прост пытался выхватить лопату из рук Дюрен. Когда ему это не удалось, он попытался утащить её за собой со всё тем же успехом.

— Пожалуйста, ты должна помочь. Они в ловушке! Мне нужно...

— Дюрен!

Этот голос принадлежал не мужчине. Он был женским, и в нём звучало отчаяние. Я услышал звуки бега, а затем другая житель деревни начала бороться с Простом за внимание Дюрен.

— Дюрен!

— Помогите мне! Мой муж...

— Помоги нам!

Я ничего не видел, но мне это и не нужно было, чтобы понять, что Прост оттолкнул женщину. Я услышал её крик, а затем голос Дюрен:

— Прекратите драться! Пожалуйста! Я постараюсь выкопать всех. Но если вы мне поможете...

— Моя семья! Сначала спаси их!

Нет, нет, нет! Но я знал, что произойдёт дальше, когда голоса повысились. Когда мы с Дюрен пришли, жители деревни всё ещё пребывали в шоке. Но теперь, когда мы начали двигаться, замешательство, охватившее жителей, немного ослабло.

Но это означало лишь то, что они теперь их охватило отчаяние, и Дюрен была единственным разумным, которая могла им помочь. Всё больше людей устремлялось к ней, невредимому маяку надежды. Но вместо того, чтобы работать вместе, они начали за неё драться!

— Пожалуйста, послушайте! Мы должны работать вместе!

Я кричал, пусть ничего не видел, а Дюрен теперь оказалась в ловушке из отчаявшихся мужчин и женщин. Они спорили ничего не слушая, и тут же вспыхнула потасовка. Я даже услышал звук, похожий на удар. Они били друг друга? Но каждый житель деревни оказался сам за себя.

— Послушайте меня!

Я отчаянно закричал и даже попытался побежать в сторону драки, но всё, что я получил, – это сильный толчок, когда кто-то сбил меня с ног. Я упал на лёд и услышал крик:

— Лейкен!

Вскрикнул кто-то ещё, а затем я услышал, как голоса отступили. Дюрен бежала ко мне. Она...

отшвырнула с дороги одного из жителей деревни. Они разбежались, пока она с тревогой помогала мне подняться.

— Ты в порядке?

— Я в порядке, но это безумие, Дюрен!

Я уже был на ногах, но звуки хаоса не утикли. Даже наоборот, всё стало только хуже. Теперь люди дрались за лопату Дюрен. Она беспомощно смотрела на происходящее, пока я пытался всё это осознать.

— Никто не слушает! Что мне делать, Лейкен?

Я не знал. Это кошмар... два кошмара одновременно! Нам нужен был порядок, но нас никто не слушал. И я понятия не имел, где погребённые жители деревни, и даже сколько из них еще живы. Я закричал на Дюрен:

— Просто... просто начинай копать! Сначала попробуй освободить этот дом. Мы должны...

Что я мог сделать? Ничего. Я мог копать, но я понятия не имел, где что находится. А Дюрен была единственной, у кого был хоть какой-то инструмент! Она начала действовать, побежав назад к зданию, пока я приложил руки ко рту и кричал.

Но это было бесполезно. Меня никто не слушал. В конце концов, дерущиеся жители деревни остановились и вернулись к попыткам откопать своих близких. Один пошёл помогать Дюрен, пока другие пытались заставить своих друзей работать вместе, но сплочённости не было. И, опять же, лопата была только одна, а лёд местами был словно камень. И никто не знал, где находятся пострадавшие!

Мы теряли время, пока люди там задыхались. Я пытался думать. Что я мог сделать? Что может сделать каждый из нас?

Что... что если бы я мог видеть? Я не мог, но как же мой Навык? Да, именно! Я видел домик Дюрен и даже закопанные растения в саду. Что если...

Я сделал несколько глубоких вдохов. Никто не обращал на меня внимания, а Дюрен всё ещё кричала, пока копала. Я не знал, что именно делать, поэтому указал на центр деревни и постарался вложить убежденность в свои слова, когда заговорил:

— Я объявляю эту деревню своей.

Ничего не произошло. Ну разумеется. Как всё могло быть так просто? Но тогда что мне делать?

— Я объявляю эту деревню своей... именем [Императора] Лейкена!

— ...Эта деревня - протекторат Незримой Империи!

Ничего. Я чувствовал себя самым большим идиотом в мире, пока вокруг меня люди кричали, звали на помощь. Умирали.

Я должен что-то сделать. И это оно. Почему я не смог заявить права на эту деревню? Я смог сделать это с домиком Дюрен. Думай. Почему?

Потому что она позволила мне. Потому что она дала мне полномочия это сделать. Я мгновенно понял, что мне нужно.

— Дюрен? Дюрен?

Она мгновенно оказалась рядом со мной.

— Что такое, Лейкен?

— Где глава деревни?

Я знал, что у этой деревни был свой мэр, или лидер, или что-то в этом роде. Это была не очень важная должность... жители деревни выбирали кого-то каждый год, но только для того, чтобы вести переговоры с другими деревнями, городами и торговцами. Но это был лидер.

— Что? Мистер Тилл? Я не знаю. Я не вижу его...

— Мне нужно его найти. Или его семью. Ты видишь кого-нибудь, кто знает, где он может быть?

— Н... вижу! Я вижу его жену!

— Отведи меня к ней. Быстрее!

Дюрен оставила свои попытки раскопок и повела меня по неровной земле. Я продолжал спотыкаться, и в какой-то момент услышал крик, и почувствовал, что снег под ногами сдвинулся.

— Боже.

Так вот как всё чувствуется после землетрясения? Я слышал истории о стихийных бедствиях, но это...

Я не знал, на что это похоже. Для меня мир погрузился в хаос. Ничто не было похоже на то, каким оно было несколько дней назад, когда я сюда приходил. Словно я снова попал в другой мир. Ужасный мир смерти и страха.

— Мисс Фейя! Мисс Фейя!

Передо мной кто-то был. Я слышал всхлипывания, а затем кто-то оказался передо мной.

— Дюрен? Ох, Дюрен... помоги мне! Мой бедный мальчик где-то там, внизу!

— Я... постараюсь найти его!

Я услышал, как Дюрен начала копать руками. Я протянул руку, нащупав перед собой женщину. Моя рука отшатнулась, когда я коснулся её замёрзшей кожи и липкой крови, которой она была покрыта.

— Мисс... Фейя?

— Кто... о! Вы...

— Я Лейкен.

На любезности времени не было. Я отвёл дрожащую женщину немного в сторону от Дюрен, а затем перешел сразу к делу:

— Мисс Фейя, вы знаете, где ваш муж? Он глава деревни, так?

— Мой муж?..

Она тоже была в шоке. Мне захотелось её встряхнуть, но я просто ждал её ответа, мягко подталкивая.

— Мне нужно найти его. Вы знаете, где он?

Даже, если он не сможет передать мне право собственности на деревню, он сможет сплотить дезорганизованных жителей. Но я уже чувствовал, что что-то не так.

— Он... он...

Она давилась словами. Я протянул руку и почувствовал, как она дрожала. Мисс Фейя всхлипывала, и я понял, что произошло.

— Мне очень жаль.

Но времени не было даже на это. Я помедлил. Может, она следующая по главенству? Я должен был попробовать.

— Фейя. Мисс Фейя. Мне нужно, чтобы вы отдали Риверфарм мне.

Резкий вдох.

— Отдать? О чём ты говоришь? Тут ничего не осталось!

— Я не могу всё объяснить, но... у меня есть Навык. Он может помочь найти людей, даже под снегом, я думаю. Но мне нужно владеть этой деревней, чтобы использовать его.

— Навык?

В своих ушах я звучал как полный и абсолютный псих. Но для мисс Фейи эти слова, возможно, было лучшим, что я мог сказать. Она понимала Навыки, даже если не знала, о чём я говорил. Но она всё ещё колебалась в неуверенности.

— Тебе нужна деревня?

— Да.

— Ты действительно можешь спасти их?

В её голосе звучала надежда, но также сомнение. Но мир вокруг неё рухнул, и эта бедная женщина тянулась за любой крупницей надежды. Я не хотел ей лгать, поэтому сказал ей правду:

— Я могу попытаться.

Прошла секунда, пока она думала. Две. Но терять ей было нечего.

— Она твоя. Если ты можешь что-то сделать, пожалуйста, сделай это!

Я кивнул и отступил от неё. Я всё ещё чувствовал себя неловко, но на этот раз я не дрогнул. Я вскинул голову и заговорил со всей уверенностью, на которую только был способен:

— Я заявляю права на эту деревню. Я заявляю права на Риверфарм.

Ничего. Опять. Я выругался и услышал стон Фейи. Что не так?

В прошлый раз... мне потребовалось время, чтобы понять, что я чувствовал домик Дюрен. Может быть, есть время ожидания? Если так, то всё кончено. Но, может быть, это не сработало, потому что мисс Фейя не следующая глава деревни. Она не была выбрана, и... да и вообще, имеет ли глава деревни право говорить от имени всей деревни?

Чёрт возьми, я так многого не знал! Я чувствовал себя беспомощным и злился. Я должен был что-то сделать! Но ничто из того, что я пробовал, не помогало, и я слышал Дюрен. Она раскопала едва ли больше нескольких футов снега, а прошло уже больше десяти минут с тех пор, как мы сюда добрались. Если кто-то ещё жив...

Нет времени. Его нет. Жгучая беспомощность в моей груди усилилась. И я услышал тот же шепот в своём сердце, который, я думаю, когда-то слышали все.

Просто сдайся. Ты ничего не сможешь сделать.

Тот же голос, который говорил со мной в самые тяжелые ночи. Тот самый голос, который говорил мне, что слепой ребёнок никогда ничего не сможет добиться. Он пытался затянуть меня вниз.

Я - [Император]. Но, на самом деле, я им не являлся. Я просто шёл по инерции. Я актёр, и хорошо играл, но, в конце концов, истинный «я» всплыл на поверхность.

Император Нортон никогда не сомневался в себе. Карл Великий, Пётр Великий, Леопольд... кто-нибудь из этих людей вёл себя так, как я? Откуда мне знать?

Что бы сделал [Император]?

Маленький голосок в моей голове насмехался надо мной, пока я слушал крики людей. Я больше всего на свете хотел им помочь. Но как? Я не владел этой деревней. На моём пути стояла стена, которую я не могу ни потрогать, ни почувствовать, ни ощутить. Я не мог её разрушить. И на земле была гробница из снега.

Мои сомнения дразнили меня. Но больше всего на свете я хотел действовать. Император не ждёт. Он не колеблется. Он делает то, что делает Император, потому что он Император. Если бы Нортон задавал вопросы, он бы никогда не стал Императором.

И я...

Я не мог позволить такой глупости, как правила, меня остановить. Это деревня мне не принадлежала? Настоящий [Император] с этим не согласился бы.

Моё сердце колотилось. Я не задавал вопросов. Я перестал колебаться.

Люди умирали. Я хочу им помочь. Обязан. Дюрен делала всё возможное, но, при всей своей силе, она всего лишь один разумный. Жители деревни разобщены. Их некому повести за собой. Некому, помимо меня.

Поэтому я втянул в грудь колючий воздух и закричал:

— Моё имя Лейкен Годарт! Я объявляю эту деревню своей!

Мой голос пробился сквозь другие звуки, принося с собой тишину. Я знал, что все остановились и уставились на меня в изумлении. Но я не дрогнул. Я не ждал. Я продолжал кричать, чтобы все меня слышали:

— Риверфарм находится под моей защитой! Все, кто живет в нём, теперь являются частью моей империи!

Что происходит? Никто не понимал. Кто этот слепой юноша, выкрикивающий всякую чушь? Это были всего лишь слова. Говорить глупости может любой. Каждый может утверждать всё, что захочет.

Но у кого хватит смелости кричать об этом на весь мир? У меня. Поэтому я кричал и говорил всем, что я - Император, потому что это было правдой. Я сделаю это правдой.

— Я - Лейкен, Император Незримого! Если кто-то хочет бросить мне вызов, сразитесь с моим чемпионом, моим [Паладином]. Дюрен!

На несколько секунд мне казалось, что жители деревни были слишком ошеломлены, чтобы ответить. Затем я услышал крик:

— Ты с ума сошёл?

В голосе Проста была злость. Я слышал, как он двигался ко мне, но моё внимание было приковано не к этому, а к снегу под моими ногами. И слабое чувство, которое я ощущал...

Подо мной лёд. Ниже - древесина. А потом камень. Стена. И к этой стене прижимался ребёнок. Он едва двигался, но он двигался. Его прижало к стене, и снег так его сдавил, что он мог только дышать и самую малость - шевелиться. Я видел, как поднималась и опускалась его грудь.

— Что за чушь ты кричишь?!

Меня схватила рука. Я услышал сердитый голос, а затем ещё голоса:

— Ты объявляешь нашу деревню своей? По какому праву?

— Что ты делаешь?

— Нам нужна помощь! Прекратите кричать и... Дюрен! Иди сюда!

Жители деревни подошли ко мне. Конечно же, они подошли. Вот сумасшедший парень кричит на них, пока они находятся в середине своего горя и отчаяния. Они захотели выместить свой гнев на мне. Но я был слишком занят, чтобы об этом беспокоиться.

— Я - [Император].

Они меня услышали, но кто в это поверил? Они кричали на меня, и тут я услышал голос Дюрен:

— Отпустите его!

Массивная рука двинулась и с лёгкостью отстранила от меня Проста. Он отшатнулся, и я услышал крики.

— Дюрен! Иди сюда!

— Там внизу мои дети! Пойдём со мной!

— Ублюдок, отдай мне лопату!

Крики. Борьба. Крики о помощи. Я слышал всё это и видел, как глубоко внизу дышал мальчик. Это и есть зрение? Для меня ещё ничего никогда не было таким ясным. Я вдохнул, выдохнул, и мир обрёл четкость.

Это моё. Я объявил на это право. В моей голове не было... деревня ещё не полностью моя. Но она станет моей.

Жители деревни ссорились. Никто не сможет так работать. Я злился на них. Я знал, что они боялись. Я тоже боялся! Но если они не смогут работать вместе, проиграют все. Дюрен закрывала меня своим телом и кричала на них, но она не была лидером. Пока не была.

А вот я - да. Я - [Император]. Я заорал:

— Тишина!

И она наступила. Полная тишина. Мой голос был громом, и я чувствовал в своих костях то же ощущение, что и когда-то давно, когда я кричал на кучку детей, мучивших Дюрен.

— Я - Император.

Мой голос был единственным звуком в пустом мире вокруг меня. Я чувствовал, как люди плялились на меня, но они потеряли дар речи. Я продолжал говорить, и мой голос становился всё громче:

— Ваши семьи, ваши друзья - все они в ловушке под снегом. Я могу найти их. Вы мне поможете. Найдите что-нибудь, чем можно копать. Мы начнём здесь. Верните Дюрен её лопату.

Никто не двигался. Они были в шоке. У меня не было на это времени. Моя рука поднялась. Мой голос стал глубже и начал отдавать эхом:

— Ты и ты, найдите что-нибудь, чем можно копать. Ты! Лопату! Остальные, начинайте копать прямо здесь. Шевелитесь!

Они зашевелились. Они не могли сопротивляться. Но они и сами хотели двигаться, и я дал им цель. Я дал им надежду. Я опустил голову вниз и почувствовал под собой маленькое тело. Ему становилось холоднее. Оно становилось всё слабее.

Так много. Так неподвижно. Я чувствовал маленькие и большие тела, неподвижно лежащие под снегом. Некоторые всё ещё двигались. Другие лежали под странными углами, разорванные на части.

Времени скорбеть не было. Я указал пальцем и закричал:

— Начинайте копать там! И там!

Это было похоже на игру. Ужасную игру, где на счету была каждая секунда, а приз измерялся не очками, а реальными жизнями. Но были способы увеличить эффективность.

— Здесь две лопаты. Откопайте их!

Они находились ближе всего к поверхности. Если они у нас будут, жителям деревни не придётся использовать ветки и сломанные куски дерева. Дюрен уже отбрасывала снег лопатой. Мне придётся остановить её, когда она подберётся ближе к мальчику, чтобы она его не ударила.

— Вон там! Она прямо под снегом! Копайте руками и вытаскивайте её!

Я побежал, и люди побежали за мной. Я кричал, и они слушали. Маленького голоса в моей голове больше не было. Был только кричащий идиот,двигающийся слишком быстро, чтобы сомневаться в себе. Каждый мой шаг по снегу был уверенный; моя кровь – словно наполнена током. Я бросился к месту, и люди начали копать.

— За мной. Найдите что-нибудь, чем можно копать!

Вперёд. Я позволил жителям деревни откапывать своих друзей и побежал дальше.

Я собирался спасти всех, кого смогу. Это...

Эта деревня теперь моя. И я буду её защищать. Я - [Император].

Я бежал и бежал, забыв, что я слеп. Я забыл обо всех остальных. Я потянулся вниз и вытащил жизнь из земли.

Он знал только, что ему больно. Он пытался кричать, но вокруг него была чернота. Холод. Было так холодно, и он знал, что его похоронило. Его голову разрывала боль, и он знал, что истекал кровью. Было холодно...

Но и жарко. Воздух в маленьком кармане, где он был заперт, становился всё теплее, и каждый раз, когда он делал вдох, его голова кружилась.

Он умирал.

Он хотел бороться, но не мог даже пошевелиться. Он плакал и кричал, но его никто не слышал. И теперь он умирал.

Он это знал. Он знал это даже тогда, когда кричал о спасении. И тут он услышал скрежет.

Кто-то копал! В его сторону? Он отчаянно закричал, едва смея надеяться. Но звуки... они доносились снизу! Они шли не в ту сторону! Он снова закричал, прося их вернуться.

Нет! Неужели они пропустили его? Юноша отчаянно закричал и тут понял, что звук становился не тише, а громче! Он приближался к его голове!

И тут он понял, что что-то не так. Снег сломался вокруг его ног. Он смог ими пошевелить! Он заизвивался с безумным отчаянием, не заботясь о том, причинит ли он себе боль. Он должен выбраться!

— Не волнуйся. Я тебя держу.

Из безумия его выдернул голос. Юноша замер, а затем понял, что происходит.

— Ты вверх ногами. Не двигайся - и мы тебя откопаем.

Мир перевернулся. Внезапно пульсация в его голове обрела смысл. Он ждал, не в силах вынести ожидание, но всё же ждал, а затем почувствовал тёплую руку на своей ноге.

— Ты в безопасности. Потерпи ещё секунду.

Он не знал этого голоса. Он знал всех в деревне, но этот голос был ему не знаком. Но рука была тёплой, а голос был полон такой уверенности...

Он плакал, словно ребёнок, пока тёплые руки разгребали снег, а потом пришли и за ним. Он всё ещё всхлипывал, когда другие руки поправили его и вытащили из снега обратно в мир цвета и света.

Некоторое время он не мог видеть. Его зрение затуманили слёзы, и он мог только глотать воздух, самый сладкий и чистый, что он когда-либо чувствовал в своей жизни. Он больше не хотел поскорее повзрослеть. Он больше не хотел стать знаменитым авантюристом или покинуть эту маленькую деревню. Он больше не хотел жениться на своей любви детства.

Он просто хотел жить. И он жил. Юноша плакал, хватаясь за холодную землю, а затем вспомнил своё имя.

Гамель.

Когда он, наконец, снова смог думать, Гамель огляделся и увидел, что стало с его домом. Риверфарм - единственное место, которое он когда-либо знал, похоронил снег и лёд. Его дом, дом его отца, в котором он жил и который ненавидел за то, что он был таким маленьким, исчез.

Как и весь остальной мир. Гамель смотрел, но не мог увидеть ничего знакомого. Где лес? Где река? Где дорога и другие дома?

Он не видел ничего знакомого, кроме нескольких крыш и сломанного дерева. Но затем он увидел людей.

Жителей в Риверфарме было чуть больше сотни. Он знал их всех по именам, пусть и не всех как друзей. Сейчас он узнал более тридцати из них, раскапывавших снег в командах. Но среди суетливых рабочих выделялся один человек. Одного человека Гамель не узнал.

Это был другой юноша, похожий на Гамеля. Видимо это был тот слепой, что жил в домике Дюрен. Тот, кому понравилась полутроль.

Но тут слепой повернулся и указал. Его глаза были закрыты, но он, казалось, знал, где что находилось. Он закричал, и Гамель понял, что голос и тёплые руки принадлежали ему.

Услышав голос, Гамель встал. Он бросился на помощь, ещё не понимая, что делает. А когда понял, побежал ещё быстрее. Его друзей погребло. Его семью! Его любовь.

Слепой юноша нашел женщину, которая пыталась раскопать свой дом. Её руки кровоточили от копания, но она по-прежнему окрашивала снег в пунцовый цвет в поисках хоть какой-нибудь зацепки, хоть какого-нибудь намёка на своего ребёнка.

— Мисс.

Юноша оттащил её в сторону. Она сопротивлялась, но двое других жителей деревни оттащили её назад. Она рыдала, взывая к своему пропавшему ребенку. Гамель посмотрел на землю, но не увидел ничего, кроме спрессованного снега. С чего вообще начать поиски? Его могло завалить снегом или зарыть в яму. Можно было копать часами и не найти его.

Но слепой колебался всего секунду. Казалось, он обыскивал землю, а затем указал пальцем.

— Там.

Гамель уставился. Но мужчины и женщины бросились вперед с мотыгами, лопатами, даже с

деревянными досками - всем, чем можно было копать. Они начали посылать шквалы снега оттуда, откуда указывал слепой, копая изо всех сил, полностью уверенные в его предсказании.

— Пятнадцать футов вниз. Он не двигается.

Слепой наблюдал за работой. Он также разговаривал с матерью. Гамель уставился на него, а затем увидел, как два закрытых века повернулись к нему. Невидящий взгляд заставил его замереть. Юноша не мог его видеть. Но...

— Ты! Найди что-нибудь, чем можно копать! Быстрее!

Гамель убежал, даже не успев понять, что было сказано. Он вернулся с вилами, которые кто-то нашёл. Зубьями можно было вытаскивать куски льда. Он начал копать вместе с остальными, расширяя яму.

— Стойте!

Голос остановил их, и все замерли как один. Слепой прыгнул в яму и не глядя схватил лопату.

— Он на фут ниже. Дайте мне немного места!

Гамель стоял в стороне и наблюдал. Молодой человек копал осторожно, но быстро. Он сделал паузу, затем отряхнул ещё снега. Затем он поднял что-то из земли.

— Сиччи!

Гамель узнал Сика - одного из мальчиков женщины. Она бросилась вперёд, а затем снова закричала:

— Он не дышит!

Молодой человек - Лейкен, так его звали - был спокоен. Вернее, он не паниковал. Он крикнул женщине:

— Отойдите! Освободите мне место наверху!

Руки вытащили его и неподвижного мальчика из дыры. Гамель смотрел на это с оцепеневшим ужасом в груди. Мальчик был мёртв. Но Лейкен ещё не закончил.

— Дыши в рот. Вот так. Ровными выдохами.

Он что-то делал, что-то показывал женщине. Затем он положил руки на грудь мальчика и начал качать, словно пытался что-то втолкнуть обратно в ребёнка.

— Компрессия. Положить руки ему на грудь вот так. Теперь...

Женщина дышала, а Лейкен надавливал на грудь. Гамель смотрел без надежды. Ничего не должно произойти. Это не было заклинанием или Навыком [Целителя]. Это были просто воздух и какое-то странное движение. Это не могло...

Мальчик вдохнул. Он подавился, и его глаза открылись. Мать упала назад, но потом вскрикнула и бросилась к сыну. Гамель уставился. Его глаза заслезились, когда мальчик снова задышал.

— Дайте ему воздуха!

Лейкен заставил мать немного отступить. Затем он встал и побежал к другому телу, которое вытаскивали из снега. Гамель последовал за ним. Лейкен показал спасателям, что нужно делать.

— Пять минут. Если они к тому времени не очнутся...

То это не сработает. Гамель уставился на холодное тело девушки, которую всегда считал

слишком страшненькой, чтобы танцевать с ней, и почувствовал, как в его груди разверзлась дыра. Лейкен пошел дальше. Следующее тело, которое они принесли, тоже было холодным, и Лейкен даже не стал с ним возиться. Следующий тоже был мёртв. Следующая была жива, и женщина прижалась к Лейкену, когда он закричал.

Мертвых нельзя было вернуть так просто. Но дыхание и компрессия... помогали. Это давало людям надежду, и они пробовали, пока Лейкен не говорил им, что уже слишком поздно. Это была последняя попытка, говорил он; они уже были мертвы. Было слишком поздно.

Но это работало. Один раз, два раза. Из множества раненых Гамель видел, как двое откашливали лёд и снег и снова начинали дышать. Ребёнок, практически синий и всё ещё истекающий кровью, открыл рот и застонал после того, как к нему вернулось дыхание. Он вдохнул и едва не задохнулся снова, когда его семья обняла его.

Многие из тех, кого вытаскивали из-под земли, были ещё живы. Они цеплялись за жизнь, зажатые в крошечных ловушках, надеясь, безмолвно умоляя о спасении. И оно пришло, с невероятной точностью и без недостатка желающих. Гамель копал, спасая людей, попавших в ловушку, как и он. Он выбросил вилы и взял подходящую лопату, когда такая нашлась. Он копал и вытащил своего лучшего друга, [Кузнеца].

Своего отца.

Гамель уставился вниз в пустой взгляд и заснеженную бороду. Снег не заполнил его легкие, как у других. Но его шея сломалась при падении. Она была вывернута не в ту сторону.

Юноша дрожащими руками потянулся вниз. Он должен исправить это. Он попытался повернуть голову отца в нужную сторону. Сначала осторожно, потом с большей силой. Но ничего не получалось. Он почувствовал, как что-то сдвинулось под его руками, и отпрянул в сторону, когда его вырвало.

Пока он задыхался и вытирал рот, кто-то тронул его за плечо. Гамель повернулся и посмотрел в закрытые веки.

Лейкен лишь придержал его за плечо. Он никогда не встречал отца Гамеля. Он не знал этого человека. Но он посмотрел в глаза Гамеля своим невидящим взглядом и сказал только одно:

— Есть ещё люди, которых нужно спасти.

И Гамель оставил отца на земле. Он копал и копал, пока его руки не покрылись волдырями и кровью, и вытаскивал всё новые тела. Маленькая девочка, которая всегда действовала ему на нервы. Мёртвая. Муж, который, как все знали, бил свою жену. Живой. Он рыдал, как рыдал Гамель, и голыми руками вытаскивал из земли свою живую супругу с мёртвым ребёнком на руках.

В этом не было никакого смысла. Не было справедливости. Были только места, где холодная рука судьбы забирала жизни, и чудеса, где эта граница не была перейдена.

И всё же с каждой секундой, проведённой под снегом, жители деревни погибали. А их было так много. Если бы остальные копали, не зная, где они находились, сколько бы их погибло?

Но Лейкен указывал, и жители деревни находились. В течение часа все были найдены, и каким-то чудом живых оказалось больше, чем мёртвых. Те, кто был жив, были ранены; да, некоторые сильно. Все они были близки к обморожению или местами обморожены, многие были измождены раскопками. Они были бездомными. Голодными.

Но они были живы. И, хотя руки Гамеля были в крови, он держал девушку, на которой мечтал жениться, пока она плакала, а [Повитуха] перевязывала её кровоточащую ногу.

Они были живы. Гамелю приходилось постоянно вытирать слёзы, и его нос был заложен. Но ему было всё равно.

Они были живы. Когда подняли последнее тело, жители деревни просто сели на снег, плакали, лечили раны, обнимали друг друга. Они были живы.

Каким-то образом, нашлась даже еда. Полутр... Дюрен по приказу слепого принесла с собой еду. И у неё даже была ткань, чтобы перевязать раны! По мере того, как всё больше рук освобождалось, Лакен направлял их откапывать запасы еды, зарытые в кладовых и подвалах.

Гамель не видел Дюрен до этого момента. Он был слишком занят раскопками. Но он видел, как она выбрасывала огромное количество снега, продолжая неустанно копать.

Часть его боялась её. Часть его всё ещё помнила тролля и то, как взрослые её опасались. Часть его помнила, как он бросался вещами девочку-тролля, когда видел её. Он видел, как она выкапывала еду, чтобы раздать всем, и как она сама спасла бесчисленное количество людей, и часть его чувствовала стыд.

Лейкен не просто знал, где лежали люди. Он находил погреба и знал, какие из них были наиболее хорошо забиты. Он выкапывал их и тут же передавал еду голодающим.

Еды должно было хватить семье на всю зиму, но никто не говорил ни слова, даже если это их запасы были откопаны и разделены. Вернее, кто вообще мог сейчас думать о чём-то подобном?

Они были живы. Только это и имело значение.

Гамель отломил немного мёрзлого хлеба, который кто-то разогрел, и увидел, что уже развели огонь. Кто-то варил суп из овощей, но Гамель мог бы съесть эту буханку, даже используя в качестве приправы только снег и грязь. Он поделился замороженным куском с девушкой, сидевшей рядом с ним, и встал.

Лейкен стоял в центре деревни, всё ещё раздавая приказы. Он не кричал... его голос был хриплым и грубым, а рядом с ним беспокойно стояла Дюрен. Гамель помедлил, а потом принёс Лейкену миску супа, когда тот был готов.

— Спасибо.

Слепой взял миску и поблагодарил Гамеля. Но это было неправильно. Горло Гамеля сжалось. Он должен был это сказать:

— Спасибо.

Это было всё, что он мог выговорить. То, что он должен был сказать. Другие жители деревни услышали Гамеля и подошли. Они говорили разные вещи, использовали разные слова. Некоторые обнимали Лейкена. Другие находили больше еды, целовали его, просто плакали. Но все они хотели сказать одно и то же.

Спасибо.

Я вытаскивал мёртвых людей. Я вытаскивал живых людей. Сейчас я едва мог шевелить руками, чтобы поднять ложку. Но я ел, потому что должен. Я должен продолжать жить. Вокруг меня трагедия, но, если я остановлюсь, чтобы посмотреть на неё, я совершу ошибку. Моё сердце сейчас было слишком занято, чтобы остановиться и плакать. Так и должно было быть.

— Все, кто может... нам нужны дома.

Снег был таким глубоким. Но я уже думал о сегодняшнем вечере. Жители деревни... мы всех их достали, живых и мёртвых. И если мёртвые продержатся какое-то время, то живые замерзнут. И сегодня ночью будет темно и холодно. Сейчас была едва середина утра, и, несмотря на геркулесовы усилия этого дня, нам всё ещё нужно было откопать как можно больше домов.

— Дюрен, ты можешь начать чистить снег вон там? Там есть сарай... если мы его очистим, у нас будет место для ночлега, по крайней мере, для всех.

Я посмотрел на Дюрен, пусть и не видел её. Но я мог её чувствовать, касаться её и ощущать её рядом с собой. Этого было более чем достаточно. Я знал, что она должна быть уставшей, но она не показывала своего изнеможения.

— Я могу это сделать. Если кто-нибудь поможет убрать снег...

— У нас есть что-нибудь лучше лопаты? Может, кирка?

У них вообще есть такие? Юноша, стоящий рядом со мной – тот, что дал мне миску супа, – вынес предложение:

— Как насчёт магии?

— Магии?

Я был застигнут врасплох. Но, как оказалось, парень знал очень слабое огненное заклинание. И другие люди в деревне тоже! Это было немного лучше, чем копание, но ненамного.

— Погоди с этим. Подождём, пока мы откопаем здание, а потом вы его разморозите.

Я продолжал раздавать приказы. Люди подчинялись, словно это было естественно, и я не задавал вопросов. Им нужен был лидер. И я - лучший выбор.

Только я мог чувствовать всю деревню. Она почти вся под снегом, но я чувствовал, какие дома целы, в каких есть ценные вещи, а главное, какие ближе всего к поверхности. Это было похоже на игру, и я организовывал людей, как могу.

Что самое первое и самое важное? Элементы. Небольшой костёр уже развели.

— Позовите кого-нибудь, кто умеет рубить дрова, и найдите несколько деревьев! Я хочу разжечь два... нет, четыре больших костра!

Те, кто владели магией огня, смогут поджечь те дрова, которые у нас есть. Этого, конечно, было недостаточно. Я расспросил всех и нашёл, у кого могло быть больше всего одежды. Мы собрали и её, и одеяла... всё пошло в первую очередь детям и тем, у кого были травмы. Бинты мы сделали из переработанной ткани, которую сначала прокипятили и просушили на костре.

Что ещё? Пока я этим занимался, то задумался о животных. Я проверил... но они все были мертвы. Мы сначала откопали людей. Тем не менее, я знал, где они. Всё это - замороженная еда, которую можно достать позже.

— Господин Лейкен? Император Лейкен?

Голос. Я повернулся. Передо мной покорно стоял Прост.

— Император?

Я почувствовал, как он склонил голову.

— Да, сэр. Дюрэн откопала большую часть сарая, но она говорит, что он не стабилен.

— Чёрт.

Я не мог этого знать, пока всё было завалено.

— Его можно починить? У кого есть навыки в... плотницком деле?

Люди вокруг меня дали ответы. Я выбрал трёх лучших строителей, чтобы они осмотрели здание. Кто-то окликнул меня. Один из подростков получил серьёзную травму. У него сломана нога. Её нужно было вправить, но у [Повитухи] не было зелий.

Я нашел несколько. К этому моменту несколько человек сказали мне, что им нужно оружие. Для Дюрэн?

Нет. От волков и монстров, которые могут напасть на раненых. Я нашёл зарытый глубоко меч и задумался. Сломанные луки... Я нашёл несколько мест и попросил людей начать копать.

Люди спросили меня, стоит ли им варить больше супов. Я расспросил и, узнав лучшие рецепты, направил их к мёртвой корове.

Больше работы. Очевидно, уже начало темнеть... я чувствовал холод на коже, и ощущение солнечного света пропало. Людям нужен был свет, но факелы были в дефиците, а команда, работающая над коровником и другими постройками, не хотела, чтобы плохо направленный свет факелов мешал их работе.

У меня появилась идея.

— Подождите секунду.

Я достал металлический прямоугольник. Он всегда лежал в моём кармане, хотя до этих пор я его не включал. Я нажал на кнопку питания.

— Сири? Включи фонарик.

— Извините, но я не могу этого сделать.

Люди вокруг меня воскликнули в благоговении, но я только нахмурился. Мне пришлось искать приложение фонарика среди множества загруженных мной приложений и нажимать на него вручную. Я ненавижу это делать.

Но, опять же, мне ведь не нужен был фонарик на телефоне, не так ли? Это приложение было установлено на мой айфон в шутку моей лучшей подругой. После того как Зои установила его на мой телефон, она сказала мне, что это поможет другим людям, если они потеряются, так как я мог ориентироваться в темноте так же, как и на свету. Это поможет им чувствовать себя лучше, сказала она мне.

И что теперь? Мой айфон светился. Я не мог сказать наверняка, но люди вокруг меня кричали «магия». Я отдал его Просту и показал ему, как им пользоваться.

— Я действительно могу использовать такой артефакт?

— Просто не урони его.

Я улыбнулся и отвернулся. На таком холоде батарея, наверное, долго не продержится, но свет помог. Прост и остальные нашли неисправность, которую искали, и устранили её.

— Лейкен.

У Дюрен в руках был айфон. Я отвлекся от того, что указывал, где достать больше одеял и

принял его от неё.

— Спасибо, Дюрен.

— Это тот «телефон», о котором ты говорил?

— Да. Тебе он кажется интересным?

Я не мог представить, как выглядели экран и дисплей для человека, который никогда не видел лампочку. В голосе Дюрен звучало благоговение.

— Да. Как будто в твоих руках звезда.

Звезда? Я улыбнулся.

— Хочешь им попользоваться?

— Я? Нет! Я никогда не осмелюсь. А вдруг я его сломаю? Я никогда не видела такой магии.

— Это не магия. Использовать его может любой. Вот.

В ночном затишье, когда непосредственные заботы жителей деревни временно улеглись, я показал Дюрен, навигацию.

— Видишь этот маленький треугольник внизу? Нажми на него. Теперь...

Дюрен вскрикнула, когда из айфона начала играть музыка. Я забрал его у неё и увеличил громкость. Все повернули головы. Я пошёл к жителям деревни, держа в руках сияющую звезду, которая пела женским голосом. Я ходил среди них, успокаивая, осматривая раненых, находя занятия для тех, у кого были силы. Они были в тепле, сыты, живы. По какой-то причине они всё продолжали меня благодарить.

Я продолжал идти, а женщина пела о любви на французском языке, которого никто из жителей деревни не знал. Но её призрачный голос оживил застывший мир. И вот жители деревни слушали «L'hymne à l'amour», пока их любимые лежали под падающим снегом. И они плакали, хотя и не знали, о чём эта песня.

И в то же время они знали. Певица передала всё, что им нужно знать. Когда песня закончилась, я проверил батарею. Дюрен увидела одну цифру и красную полоску. Поэтому я включил последнюю песню.

Это была песня не о любви. Она даже была не на французском. Это была песня о семье, доме и сожалении. Человек по имени Райнхард Мей пел на немецком «Viertel vor Sieben», песню, которую никогда не слышали в этом мире. И она тоже обращалась к жителям деревни.

Последние отголоски песни затихли. Я выключил телефон и начал искать место для сна. Для меня уже было расчищенное место, и для Дюрен, к моему удивлению, тоже. Мы могли бы вернуться в домик... мы вернёмся, хотя бы для того, чтобы забрать Хладокрыл. Но когда я сел, то обнаружил, что у меня нет сил.

Я опустил голову и через несколько мгновений вырубился как по щелчку. Я отдыхал, а жители деревни вокруг меня проживали ещё одну ночь, плача во сне. И, когда я проснулся, я всё ещё был [Императором].

[Император Уровень 9!]

[Навык - Империя: Благословение Очага получен!]

День 42

Когда я проснулся, то чувствовал себя отдохнувшим. Что было странно, учитывая, что я проснулся чуть позже шести утра. Я знал, что мне удалось поспать значительно меньше шести часов, учитывая, как допоздна я работал. Но это, вероятно, было связано с навыком, который я получил.

Навык для империи. Только так я мог на это смотреть. А благословение... оно мощное, я это знал.

Большинство жителей деревни действительно спали в сарае, который Дюрен помогла выкопать остальным жителям. Это был лучший выбор. И хотя моя прекрасная и мужественная подруга продолжала работать и после этого, даже у Дюрен были свои пределы. Было откопано ещё несколько домов, и туда поместилось больше народу, но большинство спало в стеснённых условиях в залатанном здании, окруженном снегом.

В таких условиях, когда нельзя было разжечь огонь, а тепло в основном исходило от одеял и тел под ними, обычно можно было ожидать сильного дискомфорта. Но в ту ночь скорбящие спали как брёвна и проснулись такими же свежими и отдохнувшими, как и я. И даже лучше... они были исцелены своим отдыхом!

Каким-то образом мелкие порезы зарубцевались и зажили почти за ночь. Более серьезные раны не исчезли, но теперь они не были такими тяжелыми, как вчера.

— Этот навык просто сломан.

Это был мой единственный комментарий, когда Дюрен рассказала мне об исцелённых людях. Скорее всего, в будущем у меня появятся ограничения, что может быть только одним активным благословением, или чем-то, что одновременно будет работать только благодаря одному навыку империи. Или... может быть, [Императоры] просто настолько могущественны.

Независимо от этого, все знали, что это произошло благодаря мне. Жители деревни проснулись, приготовили завтрак, помогли сменить повязки... они все были самодостаточны и умны. Но все они смотрели на меня, пока я сидел с Дюрен и ел жирный мясной суп.

Ирония судьбы: поскольку все животные погибли под лавиной, жители деревни теперь ели мясной бульон – редкое лакомство для них зимой, да и в любое другое время. Тёплая, сытная пища согревала мою грудь.

Я огляделся вокруг, ощущая, что на меня смотрят. Я чувствовал это, даже не видя. К тому же Дюрен дала мне об этом знать.

В кои-то веки их взгляды не были наполнены мелочными заботами о Дюрен. Я не слышал ни одного плохого слова в её адрес с тех пор, как принял руководство. В самом деле, все были слишком заняты, чтобы ссориться из-за чего-либо, кроме того, как сделать всё более эффективно.

После некоторого раздумья я встал. Я не произнёс речь. Я не говорил о вчерашнем дне или о своём классе. Люди слышали, что я тогда сказал: слухи распространялись быстро даже в ситуации катастрофы. Но я всё равно не упоминал об этом.

Я повернулся к дверям. Я знал, что там всё ещё лежали тела. И дома были всё ещё погребены под снегом. Скоро придут падальщики, если уже не пришли. Мёртвых нужно было похоронить с уважением, и я всё ещё беспокоился о нападении монстров.

— Давайте за работу.

Сказав так, я направился к дверям. Жители деревни беспрекословно последовали за мной. Дюрен шагала рядом, и она меня успокаивала. Она шептала мне:

— Я подняла уровень. Пять раз!

— О?

— И у меня появилось два Навыка! Два!

— Хорошо.

Я не улыбался. Ещё так много нужно было сделать, и для этого было слишком много потерь. Но я продолжал идти вперед. Риверфарму нужна вся помощь, которую он может получить. И теперь он мой. Моя ответственность.

Я чувствовал солнечный свет на своей коже. Я вскинул голову зная каждый дюйм и каждую щель в деревне. Я шёл вперёд, не обращая внимания на руки, протянутые, чтобы помочь мне. В этом месте я стоял на ногах даже более уверенно, чем люди со зрением. И тут мне пришла в голову мысль, что, несмотря на всё то, через что мне пришлось пройти, мне очень повезло с тех пор, как я пришёл в этот мир.

Чуть больше чем за месяц я нашёл ту, кого полюбил. Я нашёл способ видеть без зрения; у меня появился шумный питомец; и я оказался в нужном месте, чтобы помогать спасать жизни. Возможно, я даже изменил несколько взглядов по поводу осуждения девушки, которая шла рядом со мной.

Дома я был по-своему счастлив. Но здесь я мог видеть. Здесь у меня была цель. Поэтому, когда я шагал и отдавал людям приказы, я задался вопросом. Предназначен ли этот мир для меня? Это судьба или случайность? И есть ли способ однажды назвать это место?..

Домом?

Я не знал. Но я решил принимать всё это по одному дню за раз. Таким, какой я есть. Не как Лейкен, а как Лейкен Годарт, Император Незримого. Защитник Домика Дюрен. Правитель деревни Риверфарм.

[Император].

<http://tl.rulate.ru/book/2954/2922208>